

902.7

К-95

(С.М.)
ГИИ

ПИРГИЗ-КАЗАКИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
НАРОДОВЕДЕНИЯ

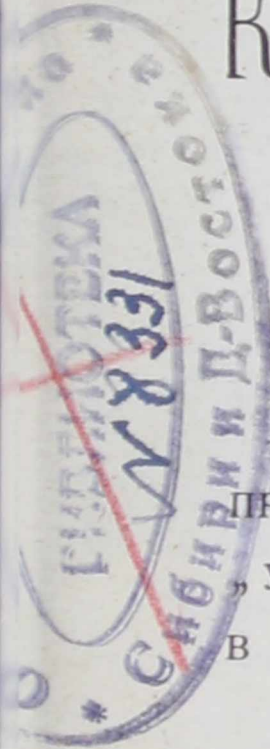
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

379/44 56
K-88
K-35
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. № 2

Б. А. КУФТИН

КИРГИЗ-КАЗАКИ

КУЛЬТУРА И БЫТ

ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОБСТАНОВОЧНОМУ ЗАЛУ
„УГОЛОК КОЧЕВОГО АУЛА В КАЗАКСТАНЕ“
В ЦЕНТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ НАРОДОВЕДЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ НАРОДОВЕДЕНИЯ
Москва, 1926

379.44 (с) М (З) 902.7 (с) М

1962 г.

1965 г.

1958

БИБЛИОТЕКА
НИИ Музееведения

81

бр. 472

Напечатано по постановлению Правления
Центрального Музея Народоведения.
Директор Б. Соколов.

19

Главлит № 52171. Москва, 1926. 3000 экземпляров.

Фабрика „ГОЗНАК“. Мытная, 15.

*Рис. 1. Уголок кочевого аула в Казакстане.
Обстановочная зала в Центральном Музее Народоведения.*

Киргиз-казаки представляют собой самую многочисленную в Азии и вторую по величине турецкую народность. Раскинувшись в количестве около 4-х миллионов человек от берегов Волги до Алтая и Джунгарии и от реки Иртыша до Аму-Дарьи, они на всем колоссальном пространстве сохраняют единство языка и культуры, несмотря на разнообразие тех элементов, которые исторически входили в состав киргиз-казацкой народности. Сами себя

киргиз-казаки называют просто казак, под каковым именем они и были известны в актах Бориса Годунова, тогда как слово киргиз было прибавлено к их имени только в XVII веке русскими, которые в это время, столкнувшись в Сибири в верховьях Енисея с племенем кыргыз, перенесли имя последних на совершенно иную народность — киргиз-казаков. Поэтому всякое стремление проникнуть в прошлое киргиз-казаков на основании изучения истории народностей, носивших имя „киргиз“, совершенно неосновательно. Название казак впервые упоминается в X и XI веках, но после, не встречаясь до Тимура (XIV в.), только с XV века прочно утверждается за определенной народностью, происхождение которой из союза различных, главным образом, турецких и отуреченных племен, обыкновенно относят к этому времени (Вельяминов-Зернов) и связывают с именами двух ханов Джанибека и Гирея, объединивших под своей властью отколовшуюся от Золотой Орды казацкую вольницу.

Когда впервые появляются турецкие племена на территории современного Казакстана, как ныне называют свою страну киргиз-казаки, сказать трудно. Если судить по этническим сменам в Причерноморских и Приазовских степях на заре их исторической жизни, можно думать, что на путях, соединявших Европейскую Скифию с Алтаем, турецкие народности явились наследниками иранских или, во всяком случае, глубоко иранизованных племен. Действительно, со всем этим пространством, археологически почти не изученным, связаны находки предметов так называемого восточно-

скифского стиля, конца бронзовой и начала железной эпохи: толстостенные бронзовые котлы на ножке с вертикальными ручками, бронзовые зеркала с продырявленной кнопкой, наконец, тот своеобразный архаический звериный орнамент, который объединяет и позднее около эпохи Р. Х. кубанские вещи, известный новочеркасский клад с сибирскими золотыми изделиями и некоторыми минусинскими памятниками.

Первой, достоверно турецкой волной, вторгнувшейся в Европу, было нашествие гуннов в IV веке. Однако, вероятно, что и скифские племена, известные за несколько веков до нашей эры под именем саков в восточной части Казакстана в Семиречье (Джетысуйская губ.), уже заключали в себе значительный туземный, не иранский слой, который состоял как из древних насельников края, оттесненных на север движением на восток из Европейской прародины предков скифских племен, так и из просачивающихся в скифскую среду этнических элементов древнего южно-сибирского культурного очага.

Но только с VI века киргизские степи, несомненно, были наводнены турецким элементом в связи с образованием на границах Монголии обширной турецкой империи, протянувшейся от Великого океана до Черного моря. Раннее соприкосновение турецких кочевников с средне-азиатской иранской цивилизацией выделило их из круга более поздних влияний тибетско-буддийской и китайской культуры, захватившей монгольский кочевой мир. Сравнение тех и других обнаруживает, как указал

еще Г. Н. Потанин, в турецких кочевых племенах целый ряд особенностей более высокого культурного быта, чем у монголов, которые, хотя и опередили средне-азиатских турок грамотностью и книжной образованностью, принесенными к ним тибетским буддизмом, однако не успели усвоить таких сторон материального быта, которые, свидетельствуя о долговременной совместной жизни с нациями старой культуры, отличают теперь турецких кочевников Средней Азии от родственных им по языку более первобытных племен Алтая и Саянских гор и недалеко в этом смысле ушедших от них монголов. Так, в отличие от турок Алтая и монголов, кочевники Средней Азии не только знакомы с искусством тканья, но даже развили у себя в высшей степени сложное ковровое производство, тогда как монголам ткацкий станок, прядение ниток (для шитья употребляют только короткие сканные-сученые нитки) и красящие растения совершенно неизвестны. Они пользуются исключительно покупными тканями, в прежнее время главным образом из Китая, торговые сношения с которым вообще обогатили домашний инвентарь монголов, в отличие от турок-кочевников, большим количеством фабрикатов. Вместе с тем у алтайцев и монголов нет обыкновения стирать свое белье: раз надев платье, они не скидают его до износу; женский головной убор часто приклеивается к волосам особым клеем и вообще редко снимается. Напротив, турецкие кочевники Средней Азии и Казахстана употребляют мыло „сабын“, которое сами изготавливают из золы растений и жира, и весь их

костюм, женские белые головные уборы рассчитаны на опрятность.

В пище также замечаются существенные различия в том же направлении, основанные на сохранности у монголов следов более первобытного существования, сближающего их с народностями Сибири. Употребление в пищу дохлятины, сыромядство (монголы варят мясо не более $1\frac{1}{2}$ часа и едят полусырым), малое потребление соли с пищей (только в чай) — у турецких кочевников Казакстана и Средней Азии совершенно не замечается: мясо они всегда хорошо уваривают, известно у них и копчение впрок.

Вероятно пережитком обычаев общих с Сибирью является у монголов и обычай не закапывать покойников в землю, а оставлять на поверхности.

Все это вместе взятое свидетельствует о значительности тех культурных влияний, в связи с которыми сложился новый материальный быт турецких племен на почве Средней Азии, в сильной мере закрывший древний культурный слой, общий с монголами и турками Сибири. Чертами быта, сближающими турецких и монгольских кочевников между собой, в отличие от арктической культуры Сибири, является степное скотоводство: разведение лошадей, овец, рогатого скота, верблюдов и яка, с которыми они совершают регулярные передвижения по более или менее значительным орбитам на определенной территории, и приспособленная к таким передвижениям по безлесной степи, переносная, решетчатая, покрываемая обыкновенно войлоками, юрта. Характерно также существование

у монголов и турок-кочевников сословного деления на белую и черную кость — наследие времен Чингис-Хана.

В настоящее время киргиз-казаки, делящиеся на три орды: Старшую — самую восточную и малочисленную, Среднюю и Младшую — западную, самостоятельную часть которой представляет Букеевская Орда (Астраханская губерния), составляют 61 % населения Казакстана, который включает в свой состав кроме бывшего Киргизского Края (Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области) еще Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую Джетысуйскую области бывшего Туркестанского генерал-губернаторства. Каждая из этих орд состоит из более крупных родовых групп с дробными их подразделениями, среди которых многие являются остатками некогда значительных и игравших крупную роль в истории Средней Азии народностей, как, например, сильное племя Найманов, занимавшее перед монгольским нашествием область Тарбогатая, вышеупомянутые Кипчаки, вошедшие в состав Средней Орды, племя рыжеволосых Усуней, именем которых именуют себя до сих пор киргизы Большой Орды.

Каждый киргиз еще недавно называл себя по имени того рода, к которому он принадлежал и более или менее твердо знал родословную и отношение своего рода к другим. Большая Орда считалась самой знатной, так что последний род этой орды пользовался большим почетом, чем первый род Средней Орды, в таком же отношении находящейся к Малой.

На родовом начале и до сих пор еще продолжает основываться вся жизнь и взаимоотношение киргиз-казаков. Право личности покоится на родовой солидарности и родовой защите; род же отвечает за проступки отдельного лица: очистительная присяга принимается не обвиняемым, а уважаемым лицом того рода, к которому принадлежит ответчик и на которого укажет обвинитель; невеста, всегда чужеродка (экзогамия), составляет собственность рода: вдова достается ближайшему родственнику умершего, а разведенная должна выбрать нового мужа из рода прежнего; бедняки находятся на попечении богатых родовичей; при угощении гостей соблюдается родовое местничество. В старину одним из обычных способов регулировать правовые взаимоотношения была баранта — насильственный угон скота родом обиженного у рода обидчика в целях вызвать последнего на родовой суд.

Хотя в отношении физического типа, особенно относительно роста, киргиз-казаки и представляют довольно резкие вариации, отчасти повидимому находящиеся в связи и с родовыми подразделениями, но они могут считаться наиболее чистыми представителями турецкой расы, характеризуясь средним ростом, крепким телосложением, склонностью к тучности, резкой брахицефалией, чаще темной окраской волос и глаз, плоским с широкими скулами лицом, горизонтальным разрезом глаз, толстоватым носом и губами. Голову они бреют, оставляя только у детей хохол на затылке или три пучка волос по бокам („тулум“) и на темени, как у монголов времен Чингис-Хана. Бороду

имеют редкую, поздно вырастающую, состоящую из пучка волос главным образом на подбородке и щеках, так как вокруг рта волосы выщипываются.

Женщины значительно ниже ростом, более темно-волосы, с правильными чертами лица. Среди них часто можно встретить миловидных. По характеру

Рис. 2. Волостной управитель царского времени со своими тремя женами. Тургайская обл. 1915 г. Фот. Б. А. Куфтина.

киргизы общительны, добродушны, гостеприимны, почтительны в обращении со стариками, ласковы с детьми. В семейной жизни, несмотря на часто встречающееся многоженство, настроение, большей частью, мирное, и женщина пользуется значительной свободой, а у богатых старшая жена — и уважением, хотя внешне и ограниченным в известной мере

обычаями. Голос женщины нередко имеет влияние на родовых собраниях. На ней же лежит и бóльшая часть тяжелой работы по хозяйству и во время перекочевков.

Язык киргиз-казаков относится к северной (Ф. Е. Корш) группе, при чем ближе к ногайскому и вообще западным наречиям, в отличие от живущих в горных областях Тянь-Шань и Памира кыргызов (кара-киргизов), язык которых некоторыми особенностями примыкает к алтайским и может быть сближен с языком древних (VII в. нашей эры) енисейских надписей.

В разговоре киргиз-казаки являются прирожденными ораторами; умея облекать свои мысли в прекрасную и образную форму, они с удовольствием слушают красивую стройную речь другого. В самом обыкновенном разговоре фраза часто строится так, что появляется ясный ритмический размер.

Особым почетом пользуются у киргиз певцы „*үлөңгчи*“ и сказатели „*акыны*“, поющие под аккомпанимент домры и очень редкого теперь своеобразного многострунного „*джатага*“ — разновидности чатыгана Абаканских турков Сибири (род примитивных гуслей, подобных японскому „*кото*“)*. Лирическая поэзия находится под влиянием персидского стихосложения. Большой известностью пользуется поэма о красавице Баян и Козу Курпеч — киргизских Ромео и Джульетте, предназначенных

* Маслов, А. Л. Иллюстрированное описание музыкальных инструментов. Москва, 1911 г., рис. 18.

друг для друга с детства, разлученных и нашедших друг друга снова для того, чтобы вместе умереть. В этой легенде имеется любопытный мотив (греческого Протесилая) воскресения одного из любящих на три дня с тем, чтобы обоим умереть навсегда. Могила их, до сих пор сохранившаяся в степи, пользуется уважением и известностью.

Рис. 3. Певец-шаман, играющий на кобызе. Тургайская обл. 1915 г. Фот. Б. А. Куфтина.

Эпические и, главным образом, исторические песни о подвигах богатырей отличаются более старыми оборотами речи. Сказочные сюжеты имеют черты сходства с европейскими. Своеобразным у киргизов является состязание в песенной импро-

визации между певцами — часто девушкой и джигитом-младцом. Особый вид народного творчества киргиз-казаков представляют песни баксы-киргизских шаманов, призывающих в этих песнях различных духов под аккомпанимент двухструнного

кобыза — смычкового инструмента — род своеобразной виолончели (см. рис. 3). Под воздействием мусульманства древнее шаманство почти уже исчезло.

Главной основой хозяйства киргиз-казаков является скот: лошадь, овца, корова и верблюд.

Киргизская лошадь принадлежит к особой породе, очень сильной и выносливой; овцы тоже представляют своеобразную курдючную породу, дающую шерсть, которая идет на ткани для одежды, ковры, кошмы для покрытия юрты и арканы (веревки). Рогатый скот в большом количестве начинает разводиться только в последнее время, — 40 — 50 лет с сокращением кочевой территории и заготовлением запасов сена на зиму. Верблюды, главным образом, двугорбые разводятся в южной пустынной части края.

В тесной зависимости от скотоводства находится пастушеский быт и кочевой образ жизни киргиз-казаков. Теплое время года, а в южных областях частью и зимой, киргизы передвигаются целыми аулами с места на место в поисках корма для скота. Обыкновенно самые значительные передвижения, часто сотни верст, совершаются весной, когда киргизы переходят со скотом из южных пустынных широт на крайний север степной зоны, в конце лета и осенью начиная возвращаться на юг (см. рис. 4). Так, например, некоторые роды киргизов Сыр-Дарьинской губернии выкочевывают на самый север Кустанайской, совершая в один конец до тысячи верст.

Поразительная приспособленность всего быта киргизов-степняков к таким громадным ежегодным

передвижениям позволяет единственно ему утилизировать колоссальные сухие пространства края, не поддающиеся пока иному использованию.

Время кочевки и порядок ее зависят от местности, климатических и бытовых условий. Обычно весной, чуть только начинается оттепель, киргизы уже готовятся к выходу из зимних жилищ. Одежда, домашняя утварь, кошмы, паласы свертываются в тюки, а деревянные части кибитки связываются веревками и навьючиваются на верблюдов.

Вся забота по укладке, как мы уже говорили, лежит на женщинах. Скот отправляется обычно несколько раньше аула, особенно овцы, так как эти животные идут очень медленно и гнать их очень хлопотливо. Крупный скот кочует вместе с аулом. Во время пути глава семьи заботится только о том, чтобы как следует была собрана и увязана вся утварь. Молодежь — юноши и девушки одеваются в нарядные платья, джигитуют на красиво убранных лошадях, то отставая от медленно движущихся стад, то догоняя их в веселой байге. Женщины, важно восседая поверх гор багажа на верблюдах, время от времени поют песни в честь умерших в этом году одноаульцев. Все это происходит в том случае, если зима прошла более или менее благополучно; если же была гололедица, не позволяющая тебеневать (доставать лошадям зимой траву, разрывая копытами снег) и много скота упало от голода, то киргизам часто приходится на себе вывозить едва держащийся на ногах скот на ближайшие пастбища.

Киргиз-казаки северных уездов выкочевывают с зимних стоянок во второй половине марта, а южных уездов — в конце февраля и начале марта к весеннему празднику нового года „Наурузу“. До спада вешних вод они не отходят далеко от зимовок. Более ранняя выкочевка южных киргизов объясняется необходимостью пройти пустынные песчаные пространства до наступления жаров, пока они покрыты сочной растительностью и пока в них отсутствуют жалящие скот пауки и насекомые. В районах, где развито земледелие, киргизы тоже не отходят далеко от зимовок — они приготавливают под посев землю, производят посев и затем отправляются дальше, поручив охранять посев какому-нибудь „беднушке“ — бедному киргизу, которому и кочевать-то не с чем.

Перекочевка длится иногда несколько дней, но в виду строгого распределения летовок ни один киргиз не решится остановиться на чужом месте более одного дня. При своем движении каждый род следует определенным путем, установленным обычным правом, основанном на давности. Обычным же правом регулируется и пользование летовками „джайлау“, т.-е. местами, которые кроме пастьбы скота ничем не могут быть заняты, — ни пашнями, ни зимовками. Каждая летовка находится в пользовании только определенной группы киргизов, в большинстве случаев одного рода, вследствие чего и кочевать на ней может только известный род или его ответвления, но не каждый киргиз, который захотел бы воспользоваться тем или другим участком степи. Спорные вопросы

в таких случаях разбираются с'ездами выборных представителей от заинтересованных сторон. Но обычно наблюдается, что киргиз, имеющий большее количество скота, пользуется и большим участком пастбищ. Скот на летовках пасется отдельными стадами по аулам и — каждое стадо состоит из одного вида животных под присмотром мальчиков или стариков. Мелкие стада обычно пасутся неподалеку от аулов и в течение дня несколько раз пригоняются для доения, а также и на ночь. У богатых киргизов стада домой не пригоняются, а небольшое количество скота, необходимого для получения молока, пасется вместе со скотом одноаульцев. По мере истребления травы аул передвигается дальше на свежий корм. Ставить юрту каждый день хлопотливо, поэтому во время быстрых передвижений они ограничиваются тем, что из решетчатых стен юрт устраивают род домиков, покрывают их войлоком и спят по несколько человек. В жаркое время кочуют ночью.

В горных районах, например, в Семиречье (Джетысуйской губернии) вместо горизонтальных перекочевков киргиз-казаки совершают вертикальные передвижения высоко в горы, используя здесь зональные перемены в растительном покрове. Они останавливаются сначала в лесной зоне, позже, приблизительно в середине мая, забираются на верхний „джайлау“ (на Яйлу — горное пастбище). Погода в это время на этой высоте прохладная и непостоянная — часто выпадает снег и дождь. Но киргизки быстро входят в свою роль, ставят юрту, разводят костры, греются, сушатся и через несколько

Рис. 4. Кочевой караван, возвращающийся с летних пастбищ.
Сыр-Дарьинская обл. 1910 г.

Рис. 5. Аул в тростниковых зарослях на р. Сыр-Дарье.

дней жизнь входит в свою колею и киргизы отдыхают от долгого пути и трудного зимнего времени. Лето для них является временем гуляний и праздников: справляются свадьбы, поминки по умершим, сопровождающиеся играми, скачками и борьбой.

Но у женщин летом много работы и разных хозяйственных забот: они готовят впрок молоко в виде высушенных комочков творога — „крута“, валяют кошмы, прядут пряжу, ткут, делают веревки из конского волоса. Лето для них проходит незаметно. С наступлением августа меняется погода, трава частью с'едена, частью вытоптана, скот поправился, отдохнул от голодной зимней жизни и весело возвращается в полупустынные степи, чтоб зимовать под защитой камышевых и кустарниковых зарослей (см. рис. 5). Киргизы тут принимаются за уборку оставленных на зимовку полей. Тут же на поле обмолачивают они пшеницу и просо при помощи лошадей, бегающих по снопам, насыпают в приготовленные за лето шерстяные мешки и увозят в зимовки. Теперь киргизы имеют возможность кушать „баурсак“ из свежей пшеничной муки, представляющий собой брусочки из теста, прожаренные в масле или сале, поджаренное, слегка ободранное в деревянных ступах просо с водой и маслом — „баламык“. Молочная пища к этому времени кончается: кобыл уже перестают доить. Вообще же молочные продукты составляют главную пищу киргиз-казаков: кумыс, айран (квашеное овечье молоко с водой), крут, запасаемый и на зиму. Из мучной пищи употребительны

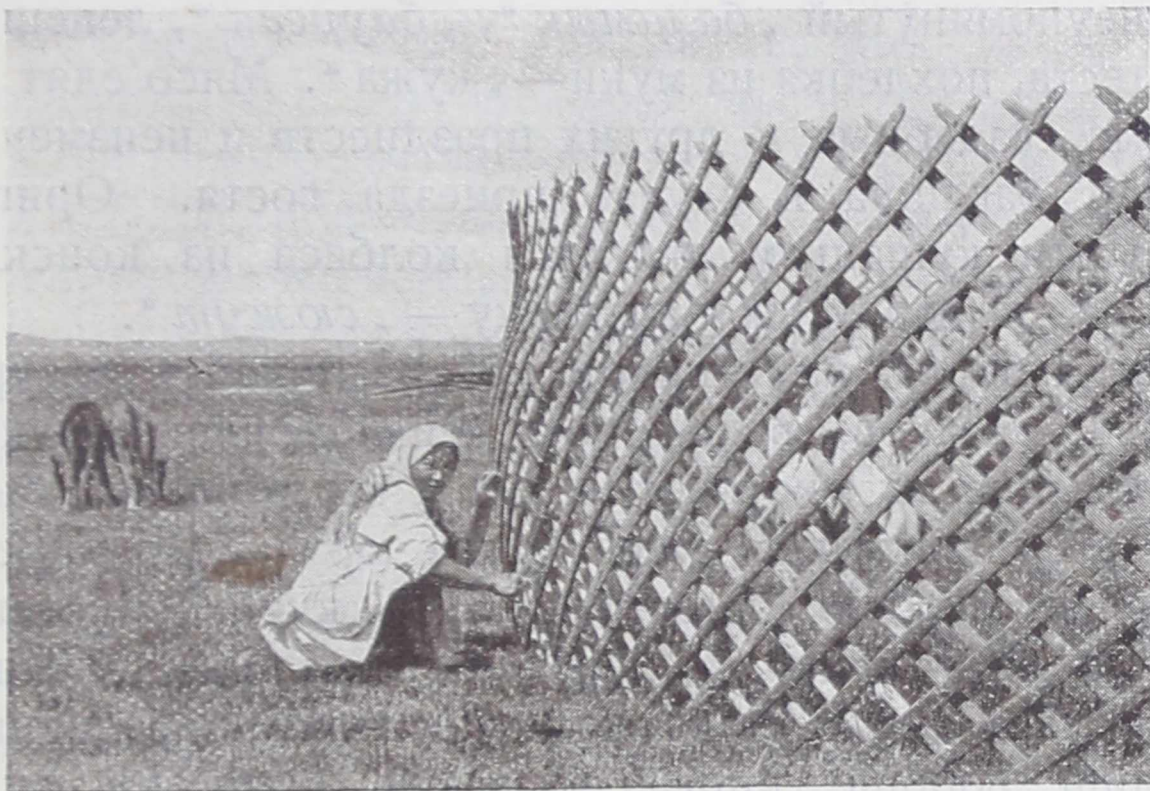

Рис. 6. Установка решетки юрты. Акмолинская губ. 1924 г.
Фот. А. Г. Данилина.

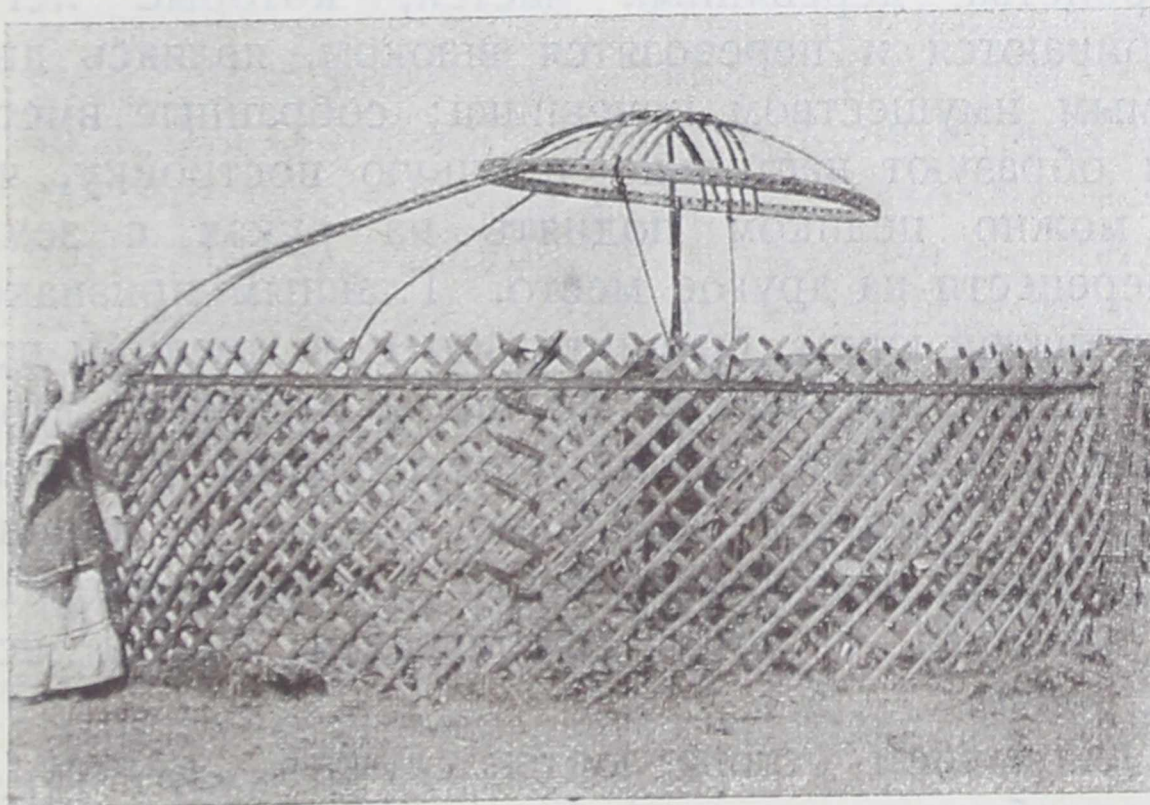

Рис. 7. Установка „Шангарака“ — верхнего круга юрты. Акмолинская губ.
1924 г. Фот. А. Г. Данилина.

вышеупомянутый „баламык“, „баурсак“, лепешки из теста, похлебка из муки—„кужа“. Мясо едят во время свадебных и других празднеств и неизменно режут барашка в случае приезда гостя. Оригинальным кушаньем является колбаса из конских кишек, вывернутых наизнанку — „сюжут“.

Важнейшим памятником материальной культуры киргиз-казаков, в котором вещественно получил выражение их скотоводческий и пастушеский быт, является войлочная решетчатая юрта. Она представляет собою вместительный куполообразный шалаш, состоящий из деревянного остова, обтянутого войлоком. От всех прочих типов переносных жилищ вообще киргиз-казацкая юрта на ряду с юртой других средне-азиатских, турецких и монгольских кочевников отличается совершенством устройства деревянных частей, которые легко разбираются и перевозятся вьюком, являясь движимым имуществом кочевника; собранные вместе они образуют настолько прочную постройку, что ее можно целиком поднять на руках с земли и перенести на другое место. Главным признаком решетчатой юрты, сравнительно с ее древним прародителем, коническим шалашом северных турок Алтая и Сибири, кроме употребления складных решеток, является отделение крыши от нижней части юрты, особое устройство дымового отверстия и связанная с этим сферическая форма всей постройки.

Основанием остова юрты служит „кереге“ — кольцеобразная стенка в форме низкого цилиндра, слегка выпуклого кнаружи; „кереге“ составляется

из связанных частей, так называемых крыл или „канат“, т.-е. дугообразно выгнутых решеток. Каждая такая решетка образуется из узких деревянных планок, подвижно скрепленных крест-накрест помощью ремешков „кӧк“ из верблюжьей кожи.

В отличие от калмыцкой юрты, где ремешки просто связывают планки, в киргизской юрте они продеваются сквозь пробуранные шилом „ӱскӧ“ — отверстия в местах скрещивания планок и закрепляются узелками на обоих концах.

Количество планок, образующих решетку, колеблется, обыкновенно, между 20 и 30 парами. Длина их редко превышает сажень и, понятно, уменьшается к двум противоположным углам, в каждом их параллельном ряду. Высота раздвинутой и установленной решетки обыкновенно не превышает 1,75 метра. Благодаря подвижности скрепок решетка может складываться при перевозке и раздвигаться в прямоугольный четырехугольник. Самое слово „кереге“ этимологически производится от корня „кер“ — растягивать. Легкий изгиб, придаваемый планкам, сообщает решетке необходимую округлость. Делаются кереге из тальника специальными мастерами „уйше“; молодой высушенный тальник обстругивается при помощи тесла и особого струга в четырехгранные планки, которым затем придается выгиб. Для этого, поддерживая их некоторое время для распаривания в тлеющем бараньем навозе, сгибают на особом станке „тез“ и дают высохнуть.

При постановке юрты отдельные решетки сдвигаются, ставятся на земле в круг так, чтобы

остался промежуток только для двери и связываются в переплет особыми шерстяными тесьмами „тангыш“ (см. рис. 1). Числом решеток „канат“, входящих в состав „кереге“, киргиз-казаки и отмечают величину юрты; так обычно говорят: „юрта в пять, шесть, девять крыльев“.

Верхнюю часть остова юрты образует круг „шангарак“ и особые выгнутые жерди „уук“, при помощи которых шангарак прикрепляется к кереге. Шангарак представляет собой круглый деревянный обод диаметром около 2-х аршин, связанный из двух дуг (у калмыков он склеивается из многих кусков); внутри обод скрепляется двумя перекрестными диаметрами „күлдрөүүш“, из которых каждый состоит из нескольких параллельных вдоль дужек, выдающихся сверху над плоскостью обода. Обод шангарака „үйген“ делается из стволов молодых берез с естественной кривизной.

По окружности обода находятся сквозные косо-выдолбленные отверстия, куда вставляются ууки. Число этих отверстий и уук стоит в связи с величиной юрты и, следовательно, с числом решеток, входящих в ее состав. Обыкновенно в маленькой юрте их бывает сто, отчего такая юрта называется стоглазой — „джуз-козде“; в большой их бывает от 150 до 200. Величина ууков достигает приблизительно 2½ метров; в нижней трети они довольно сильно изогнуты, отчего зависит куполообразная форма крова киргизской юрты. В верхней части ууки прямые и заканчиваются четырехгранным заострением — „кәлем“, т.-е. „пером“, которое вставляется в отверстие верхнего круга; нижний

Рис. 8. Деревянный остов юрты. Акмолинская губ. 1924 г.
Фот. А. Г. Данилина.

Рис. 9. Женская сторона юрты внутри. Тургайская обл. 1915 г.
Фот. Б. А. Куфтина.

конец упирается в решетку и привязывается шерстяным шнурком в переплет к одной из ее развилок (см. рис. 3).

Отверстие для входа в юрту ограждается двумя косяками — „тапаныш“, порогом — „тобалдырк“ и сверху перекладиной — „мангдайша“. Деревянных дверей или совсем нет или употребляют решетки „ит кирмес“ (чтобы „не вбегали собаки“) или, наконец, резные двери — двухстворки на веревочных петлях — „сакырлауук“. В последнем случае в косяке выдалбливаются отверстия, за которые двери привязываются к кереге.

Деревянными принадлежностями юрты являются, кроме того, длинные палки — „бакан“ для открывания и закрывания дымового отверстия и толстый березовый шест „сыйрык“, с развилкой на конце, подпирающий шангарак во время ветра. Таких сыйрыков в большой юрте имеется обыкновенно несколько.

Для покрова юрты употребляется войлок, цыновки из „камыша“ и чия (*Lasiagrostis splendens*) и особая тканая широкая тесьма „баскур“.

Камышевые и чиевые плетенки, почти обязательная принадлежность туркменской юрты, в некоторых областях могут, повидимому, совершенно отсутствовать у киргиз-казаков, напротив, у кочующих в Семиречьи они пользуются широким распространением. Здесь нередко стебли чия переплетены в узор цветной шерстью, образуя красивые ковровые цыновки. Они тогда служат для наружной обкладки решетки (см. обстановочный зал).

Связывание обмотанных предварительно цветной шерстью камышевых стеблей производится по

принципу примитивного ткацкого станка с вертикальной основой, натянутой помощью грузиков, привязанных к концам нитей. Чаще всего плетенки чия употребляются лишь как подкладка под кошемчатую дверь „есик“.

Широкая тесьма „баскур“ стягивает остов юрты в верхней части решетки для сообщения ей надлежащей прочности. Войлочный покров совершенно одинаково употребляется как у юрт, имеющих обкладку решетки из чия, так и у лишенных ее. Он состоит из семи самостоятельных частей: 1) из 4-х квадратных кусков, образующих „туурлык“ — покров для основания юрты; 2) двух, редко трех трапецевидных или, вернее, напоминающих покровом, разрезанную вдоль с одной стороны женскую юбку — кусков „үзүка“ для покрытия кровли, и наконец 3) четырехугольного куска „тундук“ для дымового отверстия „шангарака“. Все эти кошемные части оторачиваются по краю волосяным шнурком „жийек“ и снабжаются веревками или тесьмами „бау“. Куски „туурлыка“ прикрепляются каждый при помощи двух веревок, проходящих поверх уук, закрывая нижнюю треть „уук“ и спускаясь до земли. По середине решетки „туурлык“ опоясывается толстым арканом „бельдеу“; к последнему привязываются концы веревок „тундука“ и тесьмы „үзүка“.

Арканы скручиваются из овечьей шерсти, к которой для прочности примешивается конский волос („кыл аркан“). Самый процесс состоит из приготовления из выбитой шерсти валиков „шике“ сантиметров 35 длиной, ссучивания их в веревки нужной

длины „шала аркан“ и, наконец, свивания их в числе трех в аркан. Шерстяные веревки очень удобны, прочны и мягки и не твердеют от сырости, как пеньковые.

Во время хорошей погоды войлок снизу поднимается и заворачивается за бельдеу и тогда, если у юрты имеется чиевая обкладка — она становится видна снаружи. Оба войлока кровли „үзүки“ снабжаются 6-ю длинными привязями „үзүк бау“, по три с каждой непараллельной стороны трапеции: „бас бау“ (голова-тесьма), „орта бау“ (средняя тесьма) и „аяк бау“ (нога-тесьма). Тесьмы эти ткнут из окрашенной бараньей пряжи на ткацком станке, иногда с проборм рисунка пальцами, следовательно без употребления ремизки. Известно киргиз-казакам также тканье тесьм на 4-х дощечках с дырочками по углам*, как у южно-великороссов, финнов Поволжья и балтийцев. Наконец существует и еще один способ. На палку наматывают разомнутой спиралью пучек скрученных из шерсти шнурков и прошивают их ниткой так, что в результате получается тесьма. Эти тесьмы, свободно ложась по поверхности юрты, привязываются на противоположной ее стороне и плотно прикрепляют „үзүк“ к остову юрты. Верхний край „үзүка“ превышает слегка обруч „шангарака“; нижний, который обычно украшается особыми квадратными нашивками из белой кошмы („дө-деге“), ложится, покрывая часть „туурлыка“ на уровне верхнего края решетки.

* Lehmann-Filhés. Über die Brettchenweberei. Berl., 1901.

Войлок над дымовым отверстием — „түндүк“ снабжен четырьмя веревками, из которых три всегда привязаны к „бельдеү“, а какая-либо четвертая служит, в зависимости от направления ветра, для откидывания „түндүка“ назад и открывания дымового отверстия. На ночь последнее закрывается. К кошечным частям кибитки принадлежит также полотнище „есик“, которое заешивает дверь снаружи. Как сказано выше, есик сшивают из кошмы, под которую подложена камышевая цыновка. Любопытно, что в названии „есик“ сохранилось общее монгольское название войлока вообще „ишигке“. Верхняя часть „есика“ забрасывается на „ууки“ прежде наложения „үзүка“; тяжестью последнего „есик“ удерживается; свободный его край ниспадает до земли или свертывается в валик внутрь и привязывается над входом.

Обыкновенно для покрывания юрты употребляется простой серый войлок. Однако, у богатых киргизов сохранился обычай покрывать юрту исключительно белыми кошмами, отчего такие юрты приобретают особо красивый вид. В прежнее время у некоторых султанов Средней и Большой Орды поверх кошмы надевался еще красный суконный чехол. Теперь красные украшения сохранились почти исключительно на свадебных юртах в виде нашитого вдоль нижнего края войлочной кровли вырезанного из сукна узора (см. рис. 12). Такой же узор нашивается на кошечную дверь.

Войлок готовится из бараньей шерсти, снятой осенью до наступления холодов. Стригут особыми ножницами „кырыктык“, состоящими

из двух отдельных ножей, рукоятки которых привязываются к небольшой палочке, а лезвия располагаются так, как два ножа при точке друг о друга. Шерсть разделяется по цвету отдельно, сбивается тонкими палками „сабау“ на лошадиных шкурах „тулак“ внутри специально поставленных для этого случая юрт или на воздухе (см. рис. 10). Сбитая шерсть раскладывается на плетенку чия, поливается кипятком и, закатанная в цыновку, ногами катается по степи, что составляет исключительно женское занятие и делается соединенными силами с пришедшими помочь соседками (см. рис. 11). Скатанный войлок часто еще мнут локтями и предплечьями на земле. Войлоки делаются 2,5 — 3 метра длиной и 5 женщин в два дня могут приготовить их до восьми штук.

Кошмы, употребляемые на подстилку внутри юрты, часто покрываются узорами из другого цвета шерсти. Узор „түр“ обыкновенно наносится на полуготовую кошму женщиной, которая, раскладывая тонкие частички мокрой окрашенной или естественного цвета шерсти прямо на глаз, получает на кошме правильный рисунок (см. рис. 14). После этого кошма сворачивается и подвергается катанию, так что узор вкатывается в поверхность ее. Такая кошма называется „текемет“ и заменяет собою ковры (см. рис. 17).

Для укрепления юрты в случае сильного ветра, кроме упомянутой деревянной подпорки для шангарака, служат два длинных аркана „джильбау“, которые привязываются к шангараку и прикручиваются к колу в центре юрты. Иногда еще

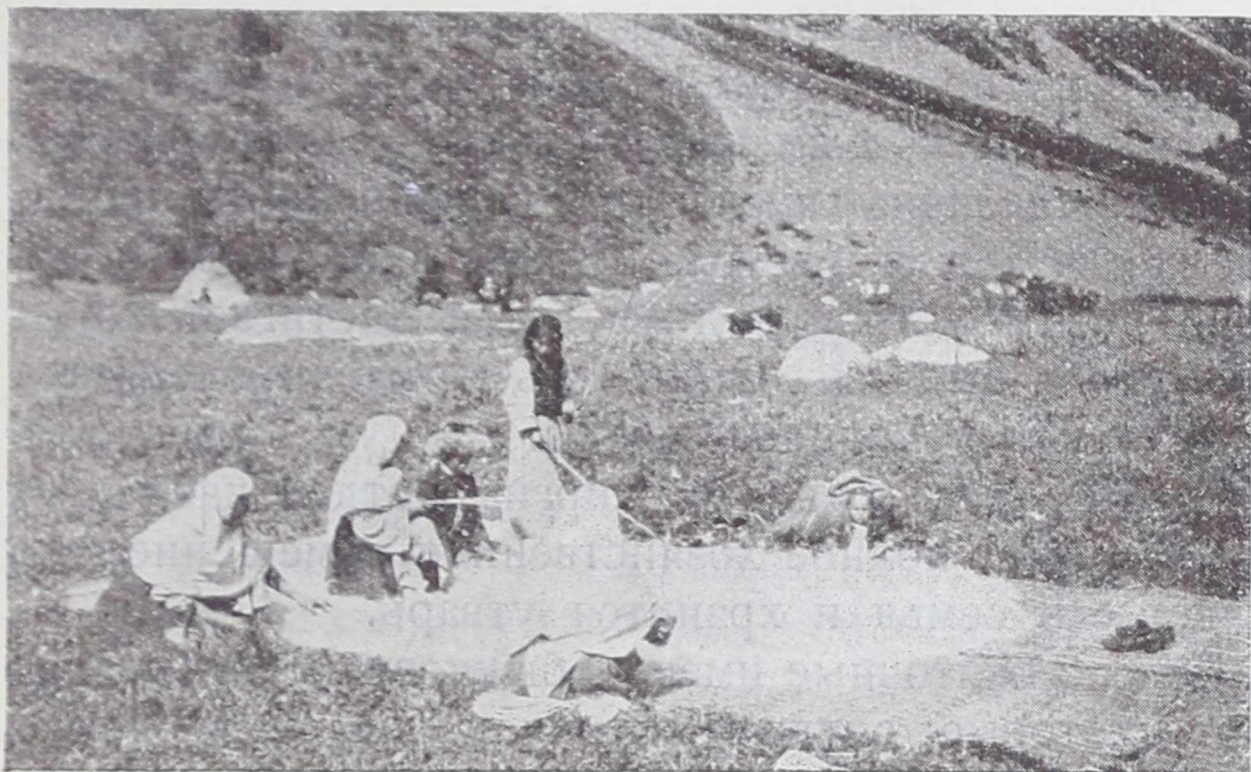

Рис. 10. Изготовление войлока. Взбивание шерсти. Джунгарский Алатау. 1916 г. Фот. Б. А. Куфтина.

Рис. 11. Изготовление войлока. Катание. Джунгарский Алатау. 1916 г. Фот. Б. А. Куфтина.

снаружи накидывается на верх юрты веревочное кольцо, которое в двух-трех местах привязывается веревками к кольям, вбиваемым по бокам юрты. Хорошо сделанная новая юрта совершенно непроницаема для дождя и ветра. Размер юрты колеблется от 6 до 10 метров в диаметре и достигает 2,5—5,5 метров высоты. Стоимость юрты определяется в 4—8 голов крупного скота.

Только для бедного киргиза отдельная юрта представляет полное хозяйственное помещение, где живет его семья и хранится утварь.

Более зажиточные имеют обыкновенно несколько юрт, которые служат жилищем для жен, детей, прислуги, специально для гостей, а также для хранения имущества и кухни. Кочевники, не имея возможности расширять самый размер юрты, вынуждены увеличивать число их, таким образом вся группа кибиток является как бы целым жилищем одной семьи. Это сказывается как на внутреннем убранстве отдельных юрт, так и в превращении всей этой группы при переходе в полuosедлое состояние в отдельный двор. В ауле юрты ставятся всегда особняком друг от друга, лишь крайне редко приходится наблюдать несколько юрт, которые соединены в цепь дверями, образуя как бы одно помещение из нескольких комнат.

При постановке и разборке юрты главную роль играют женщины. Они ставят и связывают решетки, привязывают жерди для кровли (*ууки*), часто набрасывают сами и тяжелый кошемный покров (см. рис. 12). Участие мужчины заключается в том, что он, стоя в центре строящейся юрты, чаще всего

держит посредством шеста шангарак, когда его укрепляют при помощи жердей „уук“; вставляют сначала несколько жердей с различных сторон и затем в промежутках остальные (см. рис. 7).

Для разбора и составления юрты требуется времени не более часа. При перекочевках богатые киргизы перевозят юрту вьюком на верблюдах. Всегда же вьюком их перевозят в горных „джайлау“ (пастбищах) Тянь-Шаня. Отдельные разобранные части связываются вместе и нередко, украшенные особыми вышитыми чехлами, например „уук бас“, укрепляются по бокам вьючного седла; сверху кладется шангарак. Для перевозки одной юрты достаточно двух - трех верблюдов. В северной части киргиз - казачьих степей кочевники, не имеющие верблюдов, перевозят отдельные части разобранной юрты на двухколесных арбах, запряженных быками.

Кроме киргиз - казаков решетчатая юрта встречается у кара - киргизов, туркменов, кара - калпаков, качинцев (р. Абакан), монголов, калмыков и забайкальских бурят. Как пережиток юрта встречается еще у оседлых башкир, ногайцев, сартов Узбекистана, как позднейшее заимствование — у некоторых алтайских турок. Географическое распространение решетчатой юрты ограничивается Европейско - Азиатским континентом, границы точно совпадают с хорошо выраженным скотоводческим кочевым бытом в безлесной степной и полупустынной полосе центральных частей материка. Только здесь необходимость одинаково дорожить как деревянным остовом шалаша, так и его войлочным

покровом является при кочевом образе жизни побудительной причиной, повлекшей за собой усовершенствование этих частей сначала в целях облегчения при перевозке и затем легкости, с какой они могут быть собраны.

В настоящее время решетчатая юрта встречается в двух разновидностях: юрта с коническим верхом и юрта сферическая.

Первая отличается прямыми жердями („уук“), образующими кровлю, и связью их с выступами кереге при помощи петель, также и устройством самой решетки, в которой планки иногда просто привязаны друг к другу.

В сферической юрте жерди в нижней трети изогнуты, чем достигается повышение потолка у стен юрты.

Эта вторая форма, почти исключительно свойственная турецким кочевникам Средней и Передней Азии, должна быть признана дальнейшим развитием юрты с коническим верхом и является высшим типом, до которого достигло развитие переносного жилища вообще.

Первая форма принадлежит, главным образом, монгольским народностям и у киргиз-казаков Семиречья называется „торгоутской“.

Общее турецкое понятие „юрт“ в смысле становища „журт“ в киргиз-казацком произношении, никогда киргиз-казаками, как название своему жилищу, не употребляется. Словом „журт“ называют народ вообще, иногда площадь круга, на котором стояла кибитка. Свое жилище киргиз-казаки называют „уй“, как и всякое жилище вообще.

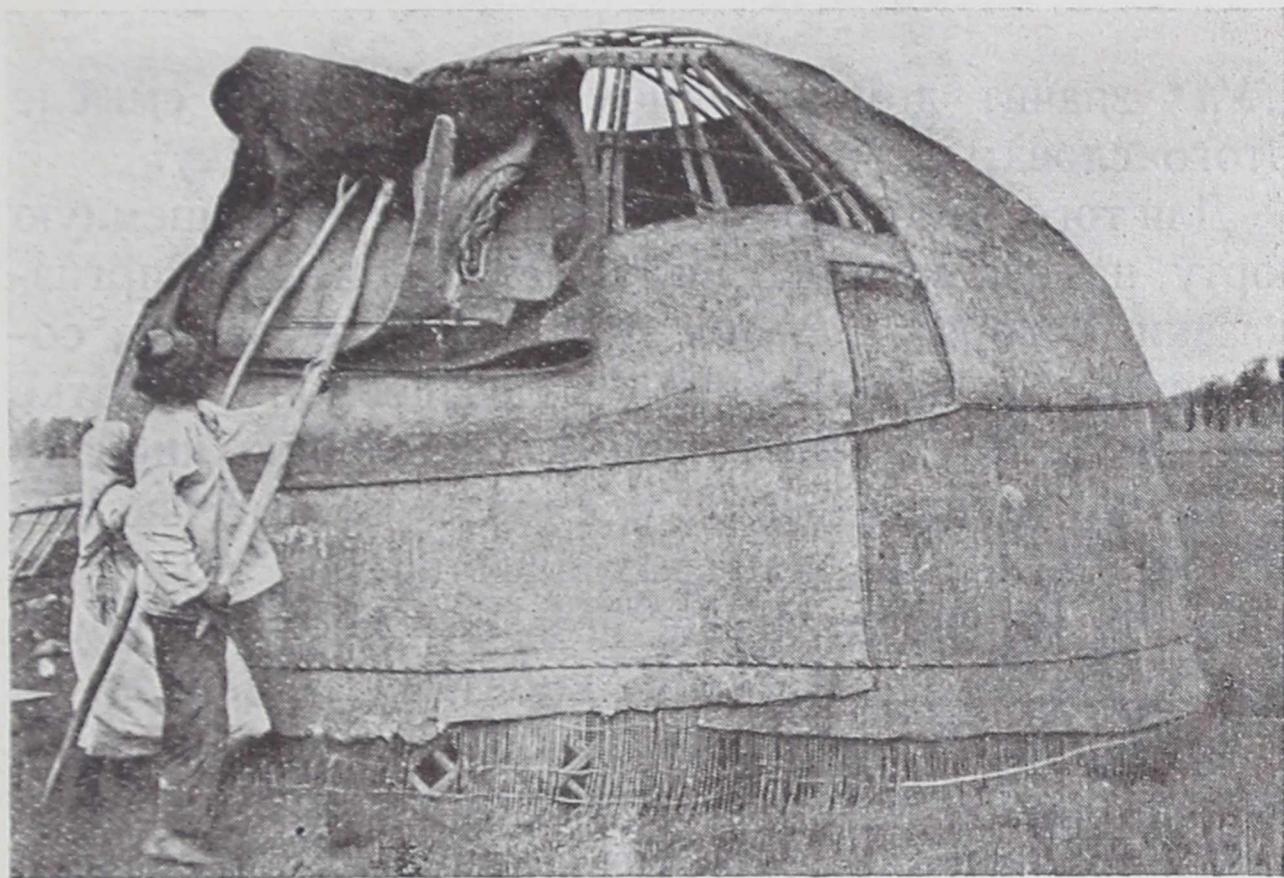

Рис. 12. Набрасывание войлочного покрова на юрту. Акмолинская губ. 1924 г.
Фот. А. Г. Данилина.

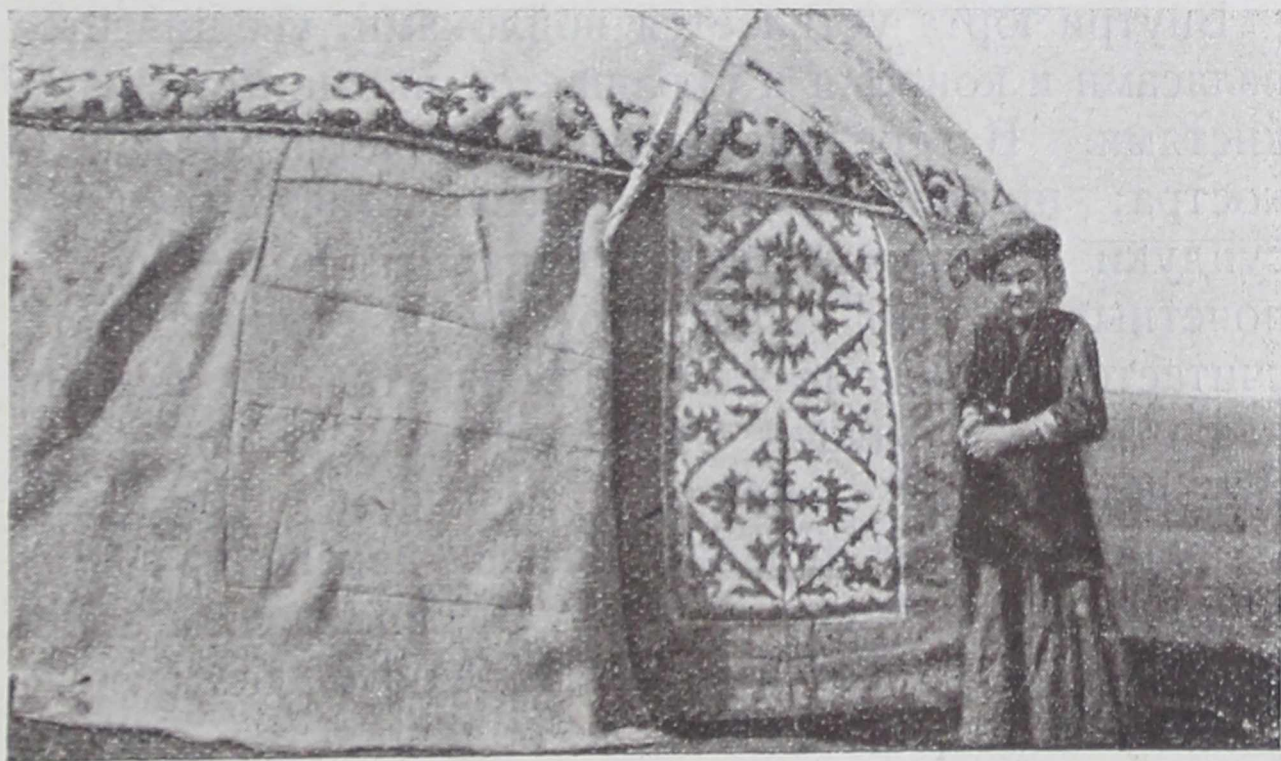

Рис. 13. Свадебная юрта невесты. Семиречье (Джетысуйская губ.). 1916 г.
Фот. Б. А. Куфтина.

„Уй“ значит дом в прямом и переносном смысле этого слова; им же называют жену-хозяйку.

Для того, чтобы обозначить специально кошемную юрту, называемую русскими часто кибиткой, киргиз-казаки говорят „кийиз уй“. Кроме этого, сохранился в применении к свадебной кибитке термин „отау“ (от—огонь). Отдельную кибитку называют иногда „орда“, словом, обозначающим вообще аул хана или родоначальника. Наконец на юрту переносится еще название верхнего круга или дымового отверстия кибитки „шангарак“: так называется отцовская кибитка „улькун шангарак“, термином, часто встречающимся в клятвах. Шангарак один из немногих терминов, относящихся к юрте, почти однозвучных и однозначных у турецких и монгольских („цагрык“) народов.

Внутри юрта устилается войлоками, увешивается паласами и коврами и украшается висящими сверху кистями. В середине юрты оставляется место для костра; против входа у стены стоят вьючные сундуки в узорных чехлах и находится место для почетных гостей. Правая от двери сторона юрты считается женской; здесь помещается хозяйственная утварь и мешок из целой лошадиной кожи, так называемая „саба“, с кумысом. На левой стороне имеется нередко низкая деревянная кровать, у двери висит сбруя. Во время еды здесь помещается хозяин и менее почетные гости.

Зимуют киргиз-казаки в большинстве случаев в особых зимовках, построенных, в зависимости от местности, из леса, дерна или сырцового

кирпича. Они представляют собой чаще всего душные, мрачные землянки или домики с плоской крышей, окруженные крытым камышом обширным двором с отделениями для разного рода скота. Большие табуны лошадей зимой пользуются подножным кормом, добывая его из-под снега („тебеневка“), для чего пасутся в малоснежных областях.

Некоторые киргизы зимуют в той же юрте, только вкопав ее в землю и проложивши еще второй слой кошмы изнутри, но таких киргизов можно встретить в южных пустынных частях края в очень незначительном количестве.

Домашняя утварь готовится преимущественно из кожи: мешки и оригинальной формы фляги для хранения жидкого молочного продукта, ведра для доения. Чашки, резные ковши и блюда, искусно выделанные из дерева, они получают из Башкирии; из металлической посуды встречаются собственнойковки большие медные кувшины и привозные из Туркестана кумганы для умывания. Непременную принадлежность утвари составляют чугунные котлы. Гончарное производство у киргиз-казачков совершенно отсутствует. Фарфоровая посуда — чашки с блюдцами и „кесэ“ (широкие туркестанского типа чашечки) — вошли в обиход вместе с распространением употребления чая.

В украшении предметов домашнего обихода и седельной сбруи киргиз-казаки проявляют большое искусство. На металлических частях седел, отличающихся от туркестанских широкой

лукой, и на поясных бляхах узор наносится обыкновенно серебряной насечкой, т.-е. вковыыванием серебряных проволочек в проведенные на поверхности железа надрезы, по меди и серебру — чеканкой. На характере узора сказывается сильное влияние иранского растительного орнамента. Напро-

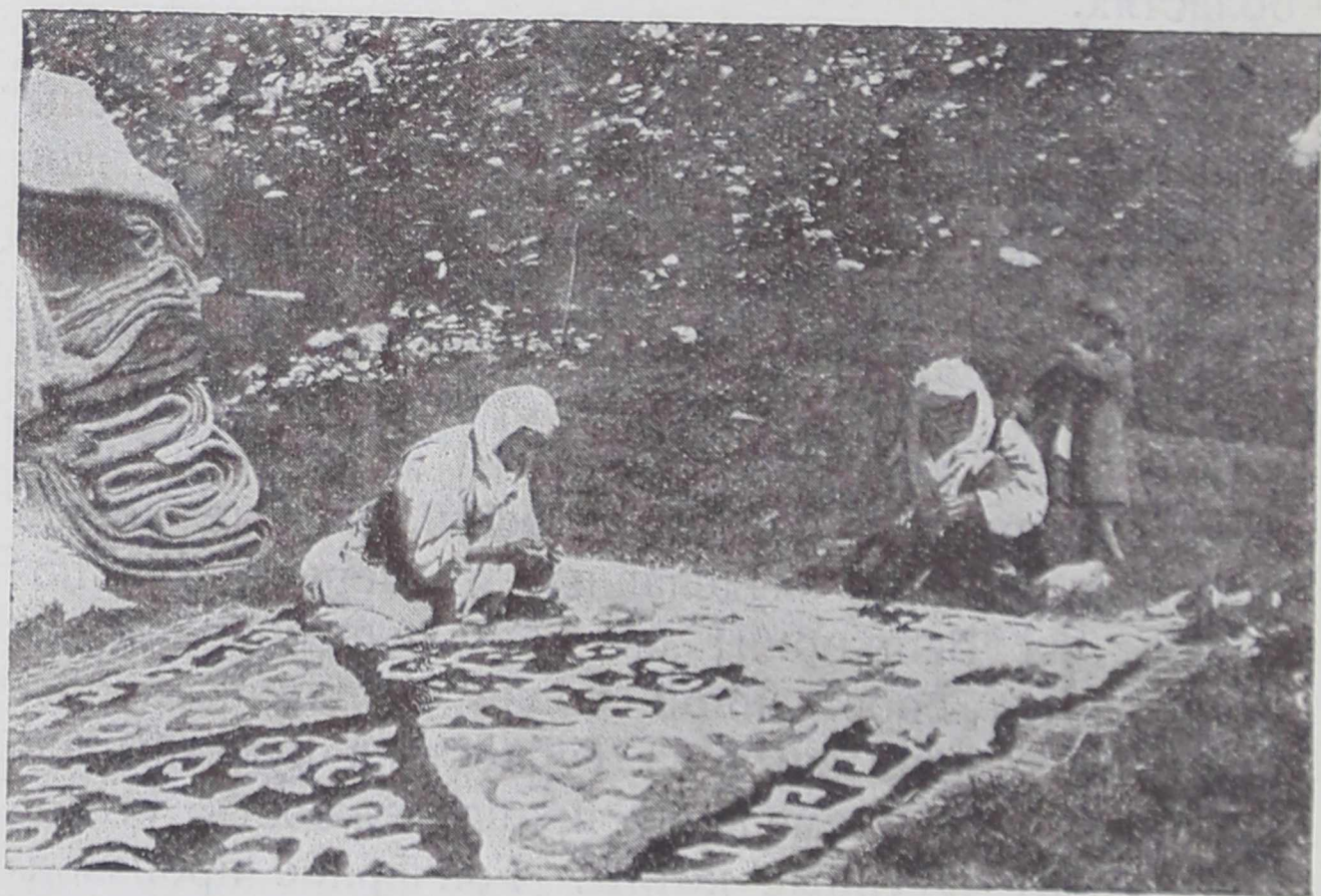

Рис. 14. Изготовление войлока. Наложение узора. Джунгарский Алатау. 1916 г.
Фот. Б. А. Куфтина.

тив, орнамент, полученный в кошечном производстве накладкой и нашивкой из материи разных цветов в виде дуговых и спиральных форм бараньего рога, выглядит совершенно самобытным (см. рис. 17). В чистом виде, а также измененном под влиянием растительного, этот орнамент встре-

чается в резьбе по дереву и тиснении (горячим утюжком) по коже. Этот, в форме „бараньего рога“, орнамент киргиз-казаков близко родственен монгольскому, вместе с которым связывается с восточно-азиатским спиральным орнаментом, известным там почти с неолитической эпохи и получившим распространение и богатое развитие у приамурских племен.

Кроме дугового орнамента для киргиз-казаков характерно употребление изображений животных, включенных в геометрические мотивы вышивок и ковровых тканей (караваны верблюдов, лошадей, змей и т. д.).

Одежда киргиз-казаков более тесно, чем у монголов, связана с продуктами скотоводческого быта. Она готовится из шкур, войлока, собственного приготовления шерстяной ткани (армячины), но также и покупной материи (средне-азиатской набойки — чит и русского ситца).

Тканьем женщины занимаются все лето, употребляя верблюжью и овечью пряжу.

Прядут они при помощи обыкновенного ручного веретена — „асыр“, представляющего собою деревянный шпиль длиной до 35 см. с надетой на него пряслицей. Пряслица киргизского веретена имеет обыкновенно коническую или полушаровидную форму и помещается в верхней части веретена, так что пряжа наматывается под пряслицей обратно, чем у туркмен (см. рис. 15). Материалом для пряслицы служит кость, дерево, редко камень; костяная пряслица первоначально готовилась просто из головок длинных костей, которые

отрезались в виде полушара и продырявливались для стержня веретена.

Прядут на руках, часто стоя и на ходу, приводя веретено в вращательное движение при помощи удара по бедру приподнятой и согнутой в колене

ноги, точно таким же способом, какой известен на египетских изображениях.

Нитку крутят большим пальцем об указательный, а в остальных держат шерсть.

Верблюжья шерсть частью идет на изготовление веревок и тесьмы, но главным образом употребляется на тканье армячины „*үрмек*“ или „*шекпен*“. Снимается такая шерсть „*шуда*“

с молодых верблюдов в возрасте от одного до двух лет. С шеи, макушки, коленей она

обычно срезается, с других же частей тела просто выдергивается, так как легко отстает. Из хорошо выбитой шерсти прядутся тонкие нитки „*жип*“, которые наматываются на четыре большие клубка („*домалак*“) около 18 см. в диаметре, содержащих приблизительно от 10 до 13 маховых женских сажень, давая армячины около 14 метров в 30 см. ширины.

Рис. 15. Прядение нитки.

Тургайская обл. 1915 г.

Фот. Б. А. Куфтина.

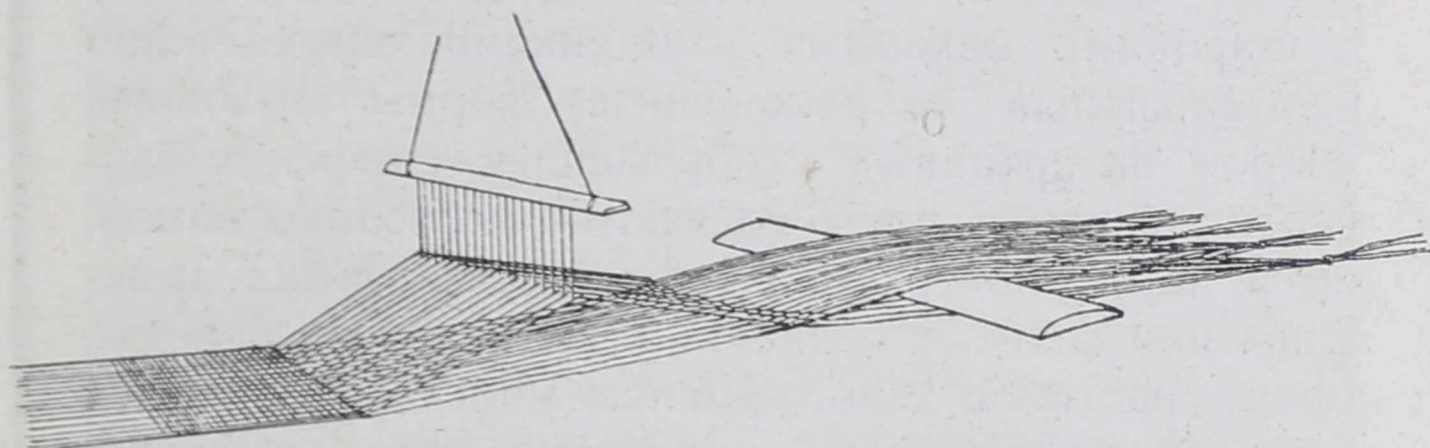
Ткацкий станок отличается горизонтальным положением основы и отсутствием вальков, на которые основа и готовая уже ткань могли бы наматываться; поэтому станок должен устанавливаться на земле, занимая в длину пространство, равняющееся длине приготавливаемой ткани. Основа „*ерис*“ наматывается вокруг двух деревянных круглых палочек, которые прикрепляются к колышкам на земле на расстоянии, равном длине основы, друг от друга. Полученные таким образом растянутые над землей два ряда основы перевязываются с одной стороны пучками по шести нитей и прикрепляются к тонкой палочке „*серä агаш*“. Ближе к другой стороне, из места, где, сидя на корточках помещается ткачиха, устанавливается над основой деревянный треножник, с подвешенной к нему ремизкой „*күзеү агаш*“, в петли которой пропущена половина (через одну или две) нитей основы. Между ремизкой и местом, где нити всей основы связаны вместе пучками, образован перекрест между нитями основы, привязанными к ремизке, и свободными. В этот перекресток вставлена деревянная широкая дощечка — „*адарга*“ (см. рис. 16), служащая вместо второй ремизки.

Ставя адаргу на ребро, возможно поднимать часть нитей основы выше других, прикрепленных к ремизке, при чем их перекрест перемещается из своего обычного положения вперед, располагаясь между ткачихой и ремизкой. Тогда здесь образуется зев, в который пропускается длинный челнок (катушка) „*аркау*“, с намотанными на нем

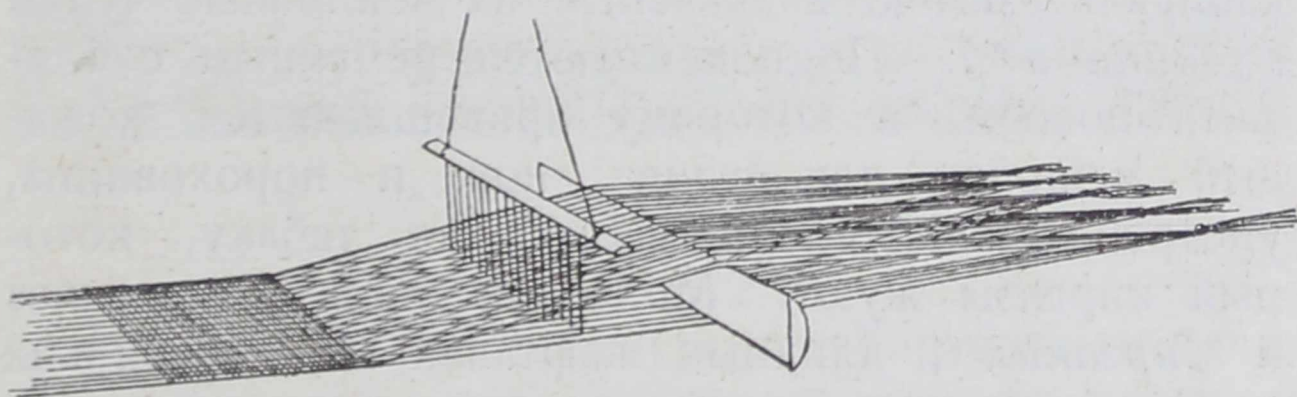
нитьями утка. „Адарга“ опускается, перекрест передвигается снова назад за ремизку, а на месте бывшего зева открывается другой, который образуется подтянутой на ремизке частью основы и другой, лежащей свободно. В этот зев наносится ряд ударов при помощи берда („кылыш“), которое редко имеет форму замкнутого гребня, а в большинстве случаев представляет собою просто деревянный широкий нож. После пропускается снова уток, подымается „адарга“ и уток прибивается (см. черт. на стр. 41). Пользование „адаргой“, в качестве пережитка сохранившейся в русском станке при узорном тканье под именем бральки, является значительным шагом вперед сравнительно, например, с арабским—бедуинским прототипом, где для продевания утка каждую нитку основы приходится перебирать пальцами.

Приведению станка в вышеописанный вид предшествует процесс снования, т.-е. наматывания основы. Для этой цели вбиваются в землю шесть кольев, каждый 70 см. высотой; из них три, расположенные в углах треугольника на расстоянии около 4 метров один от другого, служат для навивания основы, четвертый, расположенный внутри треугольника, разделяет при намотке в одном месте основу, остающуюся свободной, от той, которая заплетается ремизкой. Пятый и шестой колья служат для образования ремизки. Вокруг этих колышков по двум различным путям (зацепляя и минуя четвертый кол), разматывают четыре клубка нитей (обычно это делают дети). Женщина в это время prepares ремизку, захватывая

в петли нити, проходящие по четвертому колу. Когда все клубки размотаны, основа снимается с кольев, часть которых выдергивается вместе с основой и образует части станка, который, таким

Схематический чертеж положения нитей при тканье.
(Положение первое).

Схематический чертеж положения нитей при тканье.
(Положение второе).

образом, кроме деревянного мечевидного берда и дощечки „адарга“ не имеет более никаких постоянных частей, а каждый раз целиком готовится заново. Для тканья, кроме шерсти, лишь

очень редко употребляют вату, главным образом для грубых мешков.

Верхней одеждой киргиз - казаков служит тулуп или же „күпә“, шуба из естественного, свалявшегося за зиму на теле барана или верблюда войлока, коническая шапка („тумак“) с широкими меховыми наушниками, чрезвычайно напоминающая остроконечные формы головных уборов на античных изображениях скифских варваров; шапка и шуба одеваются не только зимой, но и летом поверх халатов и бешметов из армячины или ситца, у беднейших же киргизов нередко прямо на голое тело. Шапки иногда заменяются белыми войлочными колпаками с разрезными полями. Одеваются шаровары из цветной кожи (сантама) и в них заправляют полы халата.

Обуваются в широкие сапоги на деревянных каблуках, зимою надеваемые на войлочные чулки („байпаки“). Подпоясываются ременным с бляхами поясом, к которому привешиваются кожаный мешочек для огнива, нож и пороховница, употребляемая теперь часто для табаку, который киргизы жуют. Молодежь иногда щеголяет в „яргаках“, длинных кафтанах из жеребьячьих шкур, мехом наружу, при чем грива располагается по плечам вдоль рукавов или сзади вдоль спины, придавая фигуре своеобразный, несколько дикий вид. Джетысуйские (Семиреченские) киргиз - казаки по костюму приближаются к туркестанцам. Белье — длинная рубаха, в старину распашная „джейде“ с отложным воротником и штаны „дамбал“ обыкновенно употребляются летом. Женщину летом

Рис. 16. Ткацкий станок. Заилийский Алатау (Семиречье).

Фот. П. А. Лейбина.

можно видеть в ситцевой цветной рубаше, с длинными рукавами, поверх которой одевают ситцевый или шелковый халат в талию или безрукавку; на голове замужние киргизки Малой и частью Средней Орды носят высокий цилиндрический головной убор, который делается из длинного куска белой кисеи или коленкора („джаулык“), обернутого вокруг картонной тульи (см. рис. 2); под него обычно одевается особый белый капюшон „кимяшек“.

У киргизок Средней Азии этот головной убор заменен простой чалмообразной повязкой поверх капюшона, закрывающего шею и плечи. Девушки носят цветные конические шапочки, украшенные меховой опушкой, а у красавиц — перьями филина, предохраняющими от сглазу.

Волосы девушки заплетают во множество косичек с серебряными подвесками.

Невесте и молодой одевают своеобразный высокий головной убор — „сӑукеле“, украшенный металлическими привесками.

Обстановочный зал с киргиз-казацким аулом живо вводит нас в вышеописанную бытовую обстановку и хозяйственный уклад кочевника (рис. 1). Перед нами обширная решетчатая юрта; это „отау“ молодых. Войлочный покров по летнему приподнят и виден остов юрты, покрытый узорными чиевыми цыновками. Перед юртой натянут по земле ткацкий станок в работе. Рядом девица с веретеном. Сзади к кибитке под'езжает женщина на верблюде.

Внутри юрты обычная дневная сцена (рис. 17): молодая, еще не сбросившая свадебный наряд (высокое „сӑукеле“ на голове), который она носит в течение года, взбалтывает длинной мешалкой („пискек“) кумыс, хранящийся всегда у правой стороны юрты в кожаном мешке из целой шкуры „саба“. У задней стены, уставленной сундуками в узорных чехлах, на обычном месте для гостей двое мужчин играют в трудную, основанную на счете, игру „тогуз гумалак“ (т.-е. 9 шариков бараньего помета), которая своим происхождением из северной Африки свидетельствует о древнем

сирийском и арабском влиянии в культуре киргизов*. По середине юрты тлеет огонь.

Сравнение этой залы с залом Забайкальских бурят, где мы тоже видим войлочную юрту, приводит нас к пониманию первоначального единства специфической кочевой турецкой и монгольской культуры, созданной тысячелетиями на обширных степных просторах Азии. Однако, легко заметные различия в культуре тех и других свидетельствуют о последующем разделении и включении монгольской и турецкой семьи в два глубоко различных культурных мира — Китайско-Тибетский и Средне-Азиатско-Иранский, о воздействии которых на киргиз-казацкую народность мы говорили выше.

* Culin Stewart. Mancala, the national game of Africa. Washington, 1896.

Hyde Thomas. De Ludis Orientalibus. Oxonii MDCCXCIV (1794 года).

Рис. 17. Внутренность юрты. Обстановочный зал в Центральном Музее Наро́доведения.

Некоторые из важнейших сочинений, касающихся
киргиз-казацкого народа.

- И. Георги. Описание всех обитающих в Российском Государстве народов. СПб., 1799 г., ч. I.
- А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. 3 тома 1832 г.
- В. Вельяминов - Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времен кончины Абул-Хайр-Хана (1748 — 1765 гг.). Уфа, 1863 г., т. I и II.
- В. Вельяминов - Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, 1864 г.
- Ч. Валиханов. Сочинения (Зап. Русск. Геогр. Общ., отд. этнографии, т. 29).
- Н. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридическ. быт. Ташк., 1889 г.
- В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. III. Наречие киргиз-казаков.
- Записки Оренбургск. Отд. Русск. Геогр. Общ., вып. I и II. Статьи Ибрагимова, Алтынсарина, Сайдалина и др., 1869—1870 гг.
- А. Харузин. Киргизы Букеевской Орды, т. I, 1889 г.
- А. Харузин. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов (с 1734—1891 гг.). Этногр. Обзор., кн. 9.
- А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа. Этногр. Обзор., кн. 26, 1895 г.
- Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов. Живая Старина, III и IV, 1894 г.
- Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая Старина, 1896 г., III и IV.

- А. Краснов. Очерки быта Семиреченских-киргизов (Изв. русск. Геогр. Общ., 23 том, 1887 г.).
- А. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895 г.
- М. Леваневский. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда (Землевед., т. I, кн. 2, 3, 4 и т. II, кн. 2—3, 1894—1895 гг.).
- А. Диваев. Древние киргизские похоронные обычаи. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Унив., т. XIV, вып. 2, 1897 г.
- А. Диваев. Из области киргизских верований. Баксы, как лекарь и колдун (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр., т. XV, вып. III, 1899 г.).
- П. Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангишлаке, изд. Девриена.
- А. Самойлович. Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины (Живая Старина, 1915 г., вып. 1—2).
- Б. Куфтин. Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа. Этн. Обзор., 1916 г., вып. 3—4.
- А. Чулошников. Очерки по истории киргиз-казацкого народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Древнее время и Средние века. Оренбург, 1924 г.
- По киргиз-казацкому фольклору, между прочим.
- Н. Пантусов. Образцы киргизской народной литературы. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн. при Каз. унив., т. 25, вып. I, 1909 г.
- Г. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки (Живая Старина, 1916 г., вып. 2—3).
- По народн. музыке, между прочим.
- С. Рыбаков. Киргизы Тург. обл. и их песенное и музык. творчество. Краткое содержание доклада. Этн. Обзор., кн. 80, стр. 140.
- В. Шнитников. Материалы по киргизск. и татарск. музыке (Живая Старина, 1913 г., вып. 3—4).
- А. Затаевич. 1000 песен киргизского народа (напевы и мелодии), ред. А. Кастальского, Оренбург, 1925 г.